

ИДЕЯ ЕВРОПЫ У ГЕОРГИЯ ФЕДОТОВА

Ольга Обухова

Русский мыслитель Георгий Петрович Федотов (1886-1951), историк по образованию, прошедший блестящую школу медиевистики у И. М. Гревса на историко-филологическом факультете Петербургского университета, попал в эмиграцию осенью 1925 г. В Париже он становится преподавателем Богословского института, а также ярким и плодотворным публицистом, активным сотрудником “Пути”, “Современных записок”, “Новой России”, одним из основателей журнала “Новый Град”.

Ф. Степун подчеркивает “писательское дарование” Федотова – “ускоренный пульс его мысли, яркость и крылатость языка”¹ и считает, что “человек исключительно больших знаний в самых разнообразных областях культуры, подлинно ученый муж, Федотов все же не был научным работником. Все его высказывания, даже и научные, таят в себе печать этически-волевых импульсов. Писательское же оформление этих высказываний всегда носит скорее эстетический, чем научно-дисциплинированный характер”.²

Наш современник, о. Михаил Аксенов-Меерсон подчеркивает “преemptивность и органичность” подхода Федотова к решению вопросов современности: “Профессором духовных академий он сохранит верность социал-демократическим идеалам своей молодости. В качестве историка Церкви и религиозного мыслителя он, кажется, единственный из всех своих коллег будет отстаивать в эмигрантской публицистике традиции и ценности либерального демократизма. Как православный богослов Федотов сохранит восприимчивость к явлениям духа вне религиозной сферы, в секулярной, даже активно противостоящей Церкви, области современной культуры и жизни”.³

---

¹ Степун Ф. Г. П. Федотов // Русские философы. Москва 1996, с. 81.

² Там же, с. 90.

³ Федотов Г. Россия и свобода (Сборник статей). Нью Йорк 1981, с. 6.

Культура как результат свободного творческого созидания в этом материальном мире, “на путях жизни”, по Федотову есть “действие Св. Духа”.⁴ Такое видение он применяет к анализу исторических, социальных, национальных проблем – и прошлое, и современность осмысливает в перспективе вопроса о судьбе христианства.

Идея Европы Г. Федотова выявляется, в частности, и через видение России в соотношении с Европой, поскольку “культурная жизнь России немислима без Европы”.⁵ Россия и Запад, имея не совсем тождественные истоки, в чем состоит особенность двух христианских миров, через Византию и Рим восходят к Греции, чем объясняется их взаимное оплодотворение: “лишь благодаря Западу Россия могла выговорить свое слово. В своей московской традиции она не могла найти тех элементов духа (Логоса) – без которых все творческие богатства останутся заколдованной грезой”,⁶ “необычайный расцвет русской культуры в новое время оказался возможным лишь благодаря прививке к русскому дичку западной культуры”.⁷

Публицистические статьи Федотова, в которых он откликается на текущие исторические и культурные события, освещая их с точки зрения законов истории и осмысливая с точки зрения Вечности, дают материал для понимания федотовского видения европейской культуры и для описания его “идеи Европы”. Краеугольные камни мировоззрения Федотова это – культура и свобода, где культура – это свободное созидание в истории, осмысленные в терминах христианского Спасения, “богословие культуры” по определению прот. А. Меня. “И тело, и природа, и время, и история суть богоданные сферы действительности, для человека – сферы деятельности, спасения, творчества”.⁸ “Небесный Иерусалим [...] завершающий страдания мира мыслится не только Божиим Даром, но отчасти и человеческим созданием. Точнее, делом богочеловеческим... Ничто подлинно ценное в этом мире не пропадает. Культура воскреснет, подобно истлевшему телу, во славе”.⁹

Федотов утверждает, что основное достижение христианской Европы – это свобода: “Свобода есть поздний и тонкий цветок культуры. [...]

---

⁴ Федотов Г. П. Россия, Европа и мы. Париж 1973, с. 216.

⁵ Федотов Г. П. Защита России. Париж 1988, с. 282.

⁶ Там же, с. 285-286.

⁷ Там же, с. 185.

⁸ Федотов Г. Эсхатология и культура // Русские философы, с.152.

⁹ Там же, с. 156.

Человек становится вполне человеком только в процессе культуры, и лишь в ней, на ее вершинах, находят свое выражение его самые высокие стремления и возможности. [...] Впрочем, даже в мире культуры свобода является редким и поздним гостем”.¹⁰ “Свобода, в общественно-политическом смысле, не принадлежит к инстинктивным или всеобщим элементам человеческого общежития. Лишь христианский Запад выработал в своем трагическом средневековье этот идеал и осуществил его в последние столетия. Только в общении с Западом Россия времен Империи заразилась этим идеалом и стала перестраивать свою жизнь в согласии с ним”.¹¹

Федотов различает понятия “формальной” и “реальной” свободы. Формальной он считает “свободу, гарантированную государством”, то есть, “формальный закон, связывающий сильных, дающий слабым известные, хотя бы слабые, гарантии. Законы Дракона, первые хартии европейских коммун, феодальные присяги королей, декларации прав европейских конституций – суть обязательства. [...] Право есть совершенно реальная сфера культура, не менее реальная, чем хозяйство и быт. [...] Норма, хотя бы нарушаемая, составляет душу культуры”.¹² С другой стороны, “реальная свобода” – понятие, имеющее множество значений – от духовной или религиозной свободы вплоть до бытовой, политической и интеллектуальной. Поэтому Федотов предпочитает опираться на “формальную свободу” – конкретную сферу культуры, сферу права: “В половине Европы, где нет этой “формальной” свободы, жизнь мыслителя трагедия, выражение мысли невозможно, национальная культура глубоко искалечена, и даже равнодушные к ней массы, в последнем счете, несут тяжелый и очень *реальный* урон”.¹³

В статье “*Carimen saeculare*” в 1928 году Федотов ставит вопрос о тех изменениях, которые создали новый тип европейской культуры в послевоенные годы: “Давно уже Европа не знала такой пропасти между отцами и детьми: она напоминает пропасть между идеалистами 40-х годов в России и нигилистами 60-х. Но в России разрыв между поколениями сглаживался успокоительным воздействием той же Европы. Ран Европы залечить некому”.¹⁴ Исчезает культура гуманизма, – говорит Федотов, –

---

¹⁰ Федотов Г. Рождение свободы // Русские философы, с. 158.

¹¹ Федотов Г. Россия и свобода // Русские философы, с. 195.

¹² Федотов Г. П. Защита России, с. 26-27.

¹³ Там же, с. 29.

¹⁴ Федотов Г. П. Лицо России. Париж 1967, с. 199.

а с ней “целостное восприятие жизни”, что проявляется в науке и искусстве как “слабость конструктивной воли”, обрекающей на творческое бесплодие. Исчезает свобода выбора, – при утрате высшего смысла она становится свободой сомнения. Новое время отмечено господством техники, воли к сражению, спортивной агонистики в самых разных сферах бытия – “Но религиозная пустота бесконечности делает ее сферой демонических сил и обрекает гибели взлетевшего Икара”.¹⁵ Федотов видит, что “Новый век приносит с собой новое социальное сознание: выросшую психологию коллектива”¹⁶ и оказалось, что современный человек не нуждается в свободе, что он охотно отдает свою индивидуальную волю коллективу и вождю: “Только не сомневаться, не спускать глаз с забрезжившей точки, – и итти в ногу, сомкнутым строем. Да здравствует Ленин! Да здравствует Муссолини!”¹⁷

Параллель между тоталитарными режимами разных окрасок, их внутреннее сходство, единую природу, Федотов опишет во многих своих статьях предвоенных и военных лет. Отмечает он, однако, и ключевое различие между ними – в то время как в России коммунизм победил из-за отсутствия демократии, на Западе фашизм родился из кризиса демократии. “Уже много раз в истории тирания возникала из разложения демократии: в Греции, в Риме, в Италии Ренессанса, в революционной Франции”.¹⁸

Федотов констатирует, что изменения, происходящие в обществе, культуре, политике, несмотря на то, что они прикрываются националистической идеей, имеют своей целью не возрождение отдельной нации, но создание вненационального тотализированного общества с одинаковым усредненным менталитетом, где место культуры, религии, национальной самобытности занимают техника, расплывчатая агрессивная духовность и культ силы:

Можно говорить о постепенном выветривании национального своеобразия почти у всех великих западных наций. Современная культура все более сливает многообразие европейских типов в один – европейский. [...] Среди сил, разделяющих Европу, я не вижу противоречий национального духа. Вот уже целое столетие, как этот национальный дух разлагался капиталистической научной культурой, общей всему Западу. [...] Борьба между ухо-

---

¹⁵ Там же, с. 203.

¹⁶ Там же, с. 208.

¹⁷ Там же, с. 210.

¹⁸ Федотов Г. Россия и свобода, с. 169-170.

дящей нацией и торжествующей Америко-Европой не кончена, но победа последней чрезвычайно ускорена революциями последних лет. При этом цели и лозунги революций безразличны: коммунизм в России и фашизм в Италии (я спрашиваю себя: и расизм в Германии?) имели одинаково денационализирующее действие на подвергшиеся им народы. Все новейшие революции создают один и тот же психологический тип: военно-спортивный, волевой и антиинтеллектуальный, технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на примате власти. Этот тип человека есть последний продукт западной цивилизации, продукт перерождения буржуазного индивидуализма. В нем нет ничего русского, немецкого, итальянского. [...] Понадобилась мнимо национальная революция Муссолини, чтобы уничтожить старый, благородный народ и превратить его в "потомка римлян", т. е. в европо-американца. Характерно это равнодушие, с каким Муссолини разрушает средневековый Рим, чтобы обнажить излюбленные им остатки Рима античного. [...] Муссолини разрушил Италию совершенно так же, как Ленин Россию и, может быть, как Гитлер Германию.¹⁹

Наблюдая перемены морального и политического климата Федотов говорит о крушении всех культурных ценностей, видит наступление того, что поэт-современник назвал "Европейской ночью": "Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы. Половина ли только? Большая часть Европы уже под водами, а мы, уцелевшие, на крайнем Западе, смотрим на волнующуюся бездну, подступающую к нам, готовую слизнуть остатки материка".²⁰ "Варвары не страшны культуре до тех пор, пока она не порождает своего внутреннего варварства. Но варвары уже завоевывают Европу изнутри. Оголенные от разума и совести энтузиасты насилия с восторгом выбрасывают в мусорную кучу наследие веков. [...] В Европе пытки, в Европе инквизиция, в Европе гетто – и, наконец, в Европе презрение к человеку, которого вовсе не знали счастливые, по сравнению с нами, средние века".²¹

Однако Федотов-историк не может ограничиться описанием, он анализирует истоки, ищет корни происходящего. Отклоняя распространенную идею о том, что всколыхнутые первой мировой войной народы ворвались в историю и теперь хотят сами, по своему темному разумению творить свою судьбу, он на примере Германии показывает, что современная духовная атмосфера есть результат поведения культурной элиты.

---

¹⁹ Там же, с. 82-83.

²⁰ Федотов Г. П. Демократия спит, 1933 г. // Тяжба о России. Париж 1982, с. 103.

²¹ Федотов Г. П. Новый год, 1938 г. // Защита России, с. 171-172.

Это она первая предала свободу, увлекаемая потоком иррационализма. “Современный массовый человек отражает в своем темном стремлении духовную опустошенность интеллигенции. Философия Клагеса и Хайдеггера лучше объясняет власть Гитлера, чем психология немецких масс”.²²

В федотовском видении Европы важное место занимает его отношение к роли католичества на разных этапах исторического развития и в окружающей современности: “Римское католичество навсегда сохранило этот универсализм (вселенскость) как свое сущностное определение – свое имя”. Отсюда развитие новых европейских народов протекало, – и до сих пор протекает, – в трениях и в борьбе с Римом. Трагический исход реформации не в последней мере объясняется нечуткостью Рима к запросам национальной жизни северных (германских) народов”.²³

В статье 1931 года “*Quadragesimo anno*”, говоря о новой энциклике папы Пия XI, Федотов утверждает, что это выступление папы на социальную тему будет важным фактором в решении социальных проблем современности. Подчеркивая, что “папа не сохраняет теоретического равновесия в оценке капитализма и социализма”, в чем проявляется приверженность церкви средневековой доктрине, он пишет: “католическая церковь боится свободного мирянского движения и берет на себя, т. е. возлагает на иерархию ответственность за социальную и политическую работу. Это как раз те черты, которые разделяют в наших глазах церковность и клерикализм. Папа, как глава социально-политической католической акции, становится вождем одной из борющихся в мире сил, для которого невозможно положение морального арбитра. Здесь, в современном мире, повторяется парадоксальное положение, веками связанное с итальянским государством папы. Созданное для обеспечения свободы Церкви, государство это низводило папу до уровня одного из монархов, отстаивающих свои узкие интересы – вместо того, чтобы оставаться арбитром государей”.²⁴ Энциклика решительно отвергает социализм, не только религиозный, но и экономический, говорит Федотов, но она является важным шагом вперед по сравнению с социальной доктриной папы Льва XIII, в центре ее – защита рабочих и подъем их классового уровня. Важным для Федотова является обращение Папы к католической молодежи с призывом посвятить свои силы социальному возрождению.

---

²² Федотов Г. П. Восстание масс и свобода, 1937 г. // Защита России, с. 84.

²³ Федотов Г. П. Национальное и вселенское // Лицо России. Париж 1988, с. 261.

²⁴ Федотов Г. П. Россия, Европа и мы. Париж 1973, с.155, 159.

Позже, в 1939 году в статье “Над гробом Пия XI” Федотов, называя покойного Папу “воплощением христианской совести в сфере политики”, считает, что главным его делом была защита основ христианства, а значит – демократии. Федотов не имеет в виду европейских форм демократии – “во многом обветшалых и обреченных”, не имеет в виду и самого принципа народовластия. Он утверждает, что демократическое государство – то, которое утверждает примат этики (права, справедливости, правды) и в понимании этой этической нормы сохраняет хотя бы слабое, но несомненное воспоминание о нравственном законе христианства. Это особенно очевидно при сравнении с бесчеловечными жестокими системами, выросшими из биологического и экономического материализма. Оказывается, что “демократия сильна тем, что сохранила от христианства и даже степень ее силы определяется ее действительной связью с христианством”.²⁵

Период между двумя мировыми войнами отмечен напряженными размышлениями интеллектуалов, политиков, художников о национальной и наднациональной идентичности Европы, о европейском кризисе и различных выходах из него. Выходом из кризиса являются и новые националистические режимы – фашизм и национал-социализм, которые в свою очередь становятся предметом философского и политического осмысления.

В своих наблюдениях и выводах Г. П. Федотов не был исключением, его взгляды органично вписываются в то направление европейской мысли, которое отстаивает религиозную основу ценностей европейской культуры. Здесь я ограничусь примерами сходства федотовской мысли с идеями К. Доусона и Х. Ортеги-и-Гассета, однако, параллелей этих гораздо больше. Английский мыслитель К. Доусон так же, как Федотов, обращается к средневековью, которое считает “постоянной творческой борьбой против сил, угрожавших обществу распадом”.²⁶ Он утверждает, что необходимо вновь обратиться к опыту этой борьбы, поскольку “изучение средневекового христианства отнюдь не форма эскапизма, а актуальный способ решения проблем постсовременности”, и что именно здесь необходимо искать разрешение “проблем культурного кризиса, в котором сегодня пребывает технократическая цивилизация». Как и Федотов, он указывает на отсутствие духовного и религиозного ядра, вокруг кото-

---

²⁵ Федотов Г. П. Защита России, с. 230-231.

²⁶ Цитаты из К. Доусона приводятся по статье: Е. А. Васильев, Философия истории Кристофера Доусона // “Человек” 2000 н. 2. <http://www.courier.com.ru/humanities/html/167.htm>

рого можно сплотиться и не допустить исчезновения общеевропейских моральных ценностей: “Сегодня Европа столкнулась с разрушением светской культуры, на которую опирался второй период ее единства. [...] неплохо бы помнить, что единение нашей цивилизации не должно основываться сугубо на светской культуре и материальном прогрессе последних четырех столетий, поскольку в Европе есть более глубокие традиции. Мы больше не можем быть удовлетворены светской цивилизацией, строящей свою общность на поверхностных феноменах и упускающей из виду более существенные потребности человеческого духа”.

Сходные мысли находим и у испанского мыслителя Ортеги-и-Гассета в его труде “Восстание масс” 1931 года: “Решительный разрыв настоящего с прошлым – характеристика нашей эпохи. Он таит в себе подозрение, более или менее смутное, которое и вызывает смуту, столь характерную для сегодняшней жизни. Мы чувствуем, что мы как-то внезапно остались одни на земле; что мертвые не только оставили нас, но исчезли совсем, навсегда; что они больше не могут помочь нам. Все остатки традиционного духа исчезли. Образцы, нормы, стандарты больше нам не служат. Мы обречены разрешать наши проблемы без содействия прошлого, будь то в искусстве, науке или политике”.²⁷

Ортега-и-Гассет, говоря о Европе, утверждает: “Под Европой мы понимаем обычно прежде всего триаду – Францию, Англию, Германию. В этой части земного шара созрела та культура, которая организовала и оформила современный мир. Если эти три народа и впрямь “на закате”, их жизненные установки утратили силу, нет ничего удивительного в том, что мир теряет нравственность”. Доусон, напротив, считает, что необходимо более широкое видение проблемы, не ограниченное замыканием в традициях западной цивилизации, - открытость иному культурному и религиозному опыту: “Одновременно мы уже не уверены во врожденном превосходстве западной цивилизации, в ее праве господствовать над миром. Мы чувствуем необходимость найти защиту от сил поднимающегося Востока и войти в более близкий контакт с его сакральными традициями. [...] Мы должны выйти за пределы гуманизма, за пределы видимого триумфа западной цивилизации, если желаем обнаружить основополагающие духовные силы, использованные при создании Европы”. Вспомним Федотова, который показывает, что российские кризисные ситуации превосходили нынешний европейский кризис, и, говоря об “исчезновении куль-

---

²⁷ Ортега-и-Гассет, Восстание масс. <http://history.tuad.nsk.ru/Author/Engl/O/Ortega/VostMass>

туры гуманизма и целостного восприятия жизни”, о разрыве между поколениями отцов и детей, рассматривает Россию как правомерно-европейскую нацию, в определенном смысле уже пережившую те процессы, которые происходят в Европе, - как например, разрыв между “идеалистами 40-х годов и нигилистами 60-х”.

Ортега-и-Гассет утверждает, что, Европа, возникшая “как комплекс малых наций”, где идея нации и национальное чувство явились самыми характерными достижениями, теперь должна их преодолеть. “Сейчас для *европейцев* приходит время, когда *Европа* может стать национальной идеей. [...] Чем тверже будет ‘*Национальное Государство Запада*’ отстаивать свою подлинную сущность, тем вернее оно превратится в огромное государство-континент”.

К такому же заключению приходит и Федотов: “Европа должна найти свое сверхнациональное политическое единство, если вообще она хочет и может жить”.²⁸

Подобное сходство взглядов, мнений и оценок трех мыслителей из разных стран, воспитанных разными национальными культурами, естественно не случайно. Уже само это сходство демонстрирует существование общеевропейской культурной почвы, которая их взрастила. Вряд ли можно здесь говорить о каком-нибудь прямом влиянии друг на друга – скорее о том “климате идей”, когда, независимо от национальной принадлежности, люди одной духовной формации, одинаковых этических и духовных ценностей, анализируя одни и те же проблемы, генерировали сходные их решения.

---

²⁸ Федотов Г. П. Гегемония и Федерация, 1939 г. // Защита России, с. 276.

VANDERBILT UNIVERSITY

NASHVILLE, TENNESSEE 37235

Telephone (615) 322-7511

Department of Germanic & Slavic Languages • Direct Phone 322-2611

14 мая 76

Дорогой Бе-Ве,

спасибо большое за письмо, карточку с -
майским дневком! Но я Вам пишу благодаря
после годовогого подрастания! Рано поздно!
Образован, это глупо у Вас слова в по-
рядке, это самое важное.

О себе: университет еще раз возобнови
л мой контракт (хотя 2 года назад я достиг
пятидесятилетнего возраста) и мне присвоили
звание заслуженного профессора (Emeritus)
Дали серебряной подвес с имен и имен, ста-
туса и гербом университета. Фу-то, му-то...
Ваша шестая моя книга "Пастораль" (на
языке не без иронии, конечно), реченки бу-
дут Ирины Особуевой (из Цера Мостов! Не-
талия Тумилева!), В. Вейдле ("Умираю"

"An Equal Opportunity Employer"